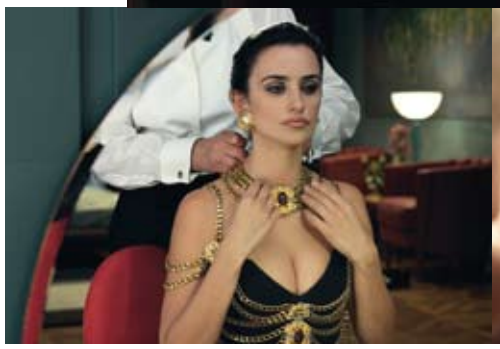
За гранью нервного срыва

«Разомкнутые объятия» Педро Альмодовара *рассказывает* Андрей Плахов



Сначала меня «обучали» женщины, сидевшие вечерами на патио в городке в Ла-Манче, где я родился. Их сплетни, беседы о жизни, в которых было столько мудрости и артистизма. А потом — ночная жизнь Мадрида в годы либерализации Испании, проснувшейся после ночи фашизма. Секс и рок-н-ролл были моей жизнью. Я наслаждался, но одновременно рефлектировал эту уникальную ситуацию, которую мы называли мовидой. Вокруг были талантливые, творческие люди, прекрасные модели для кино, увы, многие из них уже умерли. Мой дом был чем-то вроде фабрики Энди Уорхола. Но, в отличие от него, я не только наблюдал. Я участвовал.

Какие фильмы повлияли на ваше творчество?

«Наваждение» Лукино Висконти, работы Фрица Ланга, трудно все перечислить. Особую слабость испытываю к нуару. Этот американский жанр за последние полвека распространился в Европе, а в США почти умер, если не считать работ Питера Богдановича. Зато французская «новая волна» — Трюффо, Годар, Ромер — признала Хоукса и других классиков нуара величайшими мастерами. Для меня нуар — лучший пример того, какую власть может иметь кино над эмоциями публики. И в то же время этот жанр позволяет критиковать общество, говорить об опасности и власти, создавать крупные характеры. Поэтому он всегда будет играть роль hard currency — твердой валюты. Но жанр тоже необходимо обновлять. Мой фильм — не только нуар, но и комедия, и мелодрама, и что-то еще.

ЧЕЛОВЕК пишет, живет и занимается любовью в темноте. Четырнадцать лет назад он попал в автокатастрофу на острове Лансароте. И потерял не только зрение, но и Лену, любовь своей жизни и неверную жену чилийского олигарха. Такова завязка фильма Педро Альмодовара «Разомкнутые объятия». Как всегда у знаменитого испанского режиссера, его кино — это не только драма обстоятельств, судьбы, случайности и рока, но также драма смятенного, раздвоенного сознания.

У главного героя два имени — Харри Кейн (псевдоним, которым он подписывает свои литературные работы) и Матео Бланко (под этим именем он был известен в свое время как кинорежиссер). После катастрофы Матео больше не может снимать фильмы и предпочитает думать, что он погиб вместе с Леной,— в живых остался только слепой писатель Харри. В сегодняшней жизни язвительный, самоироничный Харри окружен близкими людьми — его преданной ассистенткой Джудит и ее сыном Диего, который играет роль секретаря и поводыря. Однажды Диего просит его рассказать о том, что именно случилось четырнадцать лет назад. И тогда на экране разворачивается предыстория главной истории (в сущности, она-то и оказывается самой главной). Нам также показывают фрагменты фильма, который Матео снимал с Леной в главной роли, но так и не дождался премьеры из-за интриг чилийского олигарха-продюсера.

Матео/Харри играет Люис Омар, Лену — Пенелопа Крус. В четвертый раз эта актриса становится музой Альмодовара, он гримирует ее то под Одри Хепберн, то под Мэрилин Монро, перемешивает жизнь и кино, придумывает «фильм в фильме» (похожий на прежние гротески режиссера) и «сценарий в фильме» (похожий на корейский вампирский хоррор «Жажда»). В финале ослепший режиссер заново садится монтировать фильм, снятый четырнадцать лет назад, и звучит лучшая фраза «Разомкнутых объятий»: «Кино должно иметь конец — даже если оно делается вслепую».

Альмодовар, некогда бывший символом постмодернистской Испании, устремившейся во все тяжкие после падения франкизма, многие годы воспринимался как радикальный мастер сатирической комедии. Вершиной этого опыта стал фильм «Кика» о разнузданной и зловещей власти массмедиа. Режиссер устал и разочаровался в последствиях той моральной свободы, за которую он с таким рвением боролся. Теперь «с Испанией ничто не сравнится» — саркастическая фраза, произносимая в «Кике» 80-летней матерью Альмодовара, которой он дал роль телекомментатора. А сам режиссер имеет основания заявить: «С течением времени я обнаруживаю в себе гораздо больше морализма, чем я полагал раньше, и даже больше, чем хотел бы иметь».

Только на первый взгляд Альмодовар пародирует людские чувства и страдания. На самом деле он преодолевает кошмар жизни с помощью неприлично открытых эмоций и неиссякающего юмора. Да, он один из немногих оставшихся в мировом кино виртуозов комического. Но в его комизме всегда силен привкус горечи и смерти, над ним витает дух фламенко, мовиды, испанской версии экзистенциальной философии. Его фильмы не скрывают того, что изготовлены фантазером-кулинаром с удовольствием, и сами несут людям прежде всего удовольствие, что отнюдь не исключает горьких приправ.

По-прежнему в кинематографе Альмодовара ключевую роль играет рекламный дизайн, использующий яркие, «химические» цвета — желтый, синий, малиновый; крупные планы накрашенных ногтей и губ. Женских губ в фильмах Альмодовара всегда много — капризных, вожделеющих, презрительных. Несмотря на откровенный гомосексуальный имидж режиссера, душу его фильмов всегда составляли женщины, которых играли замечательные актрисы — Кармен Маура, Виктория Абриль, Марисa Паредес, Пас Вега, Джеральдина Чаплин. Даже если на сей раз на грани или даже за гранью нервного срыва оказался мужчина, Альмодовар все равно остается убежденным феминистом, противником мачизма, чуждым в то же время ханжеской англосаксонской политкорректности.

Кинематограф Альмодовара — это ренессансный средиземноморский праздник, шутовское действо, и к этому все давно привыкли. Вот почему «Разомкнутые объятия» удивили поклонников режиссера гораздо менее бравурным, скорее, печальным и усталым тоном. В ней не только нет веселых трансвеститов и хулиганских шуток, но еще и меньше, чем обычно, открытых, спонтанных эмоций. Но это не усталость и не разочарование режиссера, а его сознательный выбор.

В прокате с 9 июля